

Тилье Клод

Дядя мой, Веньямин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К50

К50 **Клод Т.**
Дядя мой, Веньямин / Тилье Клод – М.: Книга по Требованию, 2022. – 214 с.

ISBN 978-5-519-76660-9

ISBN 978-5-519-76660-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

емъ сказать женщинѣ: «Я люблю тебя!»—какъ ко второму нашему поцѣлую она—уже дряхлая старуха. Едва монархіи успѣють укрѣпиться, какъ уже рушатся: онѣ похожи на кучу муравьевъ, которые съ тяжкими усилями таскаютъ несчастныхъ насѣкомыхъ; чтобы ихъ уничтожить, довольно соломинки,—а ихъ то быкъ давить широкой своей ногой, то повозка своимъ колесомъ. То, что зовете вы плодородною почвой нашей планеты, на самомъ дѣлѣ есть тысячи и тысячи тробовъ, наложенныхъ одинъ на другой многими поколѣніями. Великія имена, звѣняція въ устахъ людей, имена столицъ, монарховъ, полководцевъ,—это звѣнящіе осколки бывшихъ имперій. Вы не сможете шагу ступить, не подымая вокругъ себя пыли отъ тысячи вещей, разрушенныхъ раньше, чѣмъ онѣ были закончены.

Мнѣ сорокъ лѣтъ; я уже испробовалъ четыре профессіи: я былъ учителемъ рисованія, солдатомъ, школьнымъ учителемъ—и вотъ теперь я журналистъ. Я побывалъ на сушѣ и на морѣ, подъ тентомъ и у тамина, за тюремной рѣшеткой и на свободныхъ пространствахъ этого міра; я повиновался и повелѣвалъ; у меня были минуты богатства и годы бѣдности. Меня любили и ненавидѣли; мнѣ рукоплескали и меня подымали на смѣхъ. Я былъ сыномъ и отцомъ, любовникомъ и супругомъ; я прошелъ пору цвѣтовъ и пору плодовъ, какъ доводятъ поэты. Ни въ одномъ изъ этихъ состояній я не нашелъ, что у меня есть вѣскія основанія поздравлять себя съ тѣмъ, что я облеченъ человѣческой кожей, а не шкурой волка или лисицы, не раковиной устрицы, не древесной корой и не шелухой картофеля. Можетъ быть, если бы я былъ рантье, особенно рантье съ пятьдесятью тысячами франковъ дохода,—я разсуждалъ бы иначе.

Пока что, мнѣніе мое таково, что человѣкъ есть машина, устроенная исключительно для страданій; у него только пять чувствъ для полученія удовольствія, а боль онъ испытываетъ всею поверхностью

своего тѣла; гдѣ его ни уколи, изъ него течетъ кровь; гдѣ ни прижги, у него вскакиваетъ волдырь. Ни легкія, ни печень, ни кишки не могутъ ему доставить никакой радости; межъ тѣмъ, легкое воспаляется и заставляетъ его кашлять; печень засоряется, и его лихорадитъ; кишки заворачиваются и причиняютъ ему боль. У васъ нѣтъ подъ кожей ни одного нерва, ни одного мускула, ни одного сухожилия, которое не могло бы заставить васъ кричать отъ боли.

Вашъ организмъ поминутно портится, какъ плохой маятникъ. Вы поднимаете взоры къ небу, чтобы ему пожаловаться, но оттуда падаетъ пометъ ласточки, отъ котораго ваши глаза портятся; вы отправляетесь на балъ, на ногѣ у васъ происходитъ растяженіе связокъ, и васъ надо нести домой на носилкахъ; сегодня вы великій писатель, великій философъ, великій поэтъ; въ вашемъ мозгу обрывается одна ниточка,—надо вамъ пускать кровь, класть вамъ ледъ на голову, и завтра вы просто несчастный сумасшедшій.

Бѣда кроется за всѣми вашими удовольствіями; вы—лакомка-мышь, которую она приманиваетъ кусочкомъ благоуханнаго сала. Вы находитесь подъ сѣнью своего сада и восклицаете: «О, какая прелестная роза!»—а роза васъ укалываетъ шипомъ; «О, сколь прекрасный плодъ!»—но въ плодѣ таится оса—и плодъ васъ уязвляетъ.

Вы говорите: «Богъ создалъ насъ для того, чтобы мы Ему служили и любили Его». Это не вѣрно; Онъ создалъ васъ, чтобы вы страдали. Человѣкъ, который не страдаетъ, есть плохо сработанная машина, неудачное созданіе, нравственный уродъ, недоносокъ природы. Смерть—не только конецъ жизни, но и ликарьство отъ жизни. Нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ въ гробу. Если вы мнѣ вѣрите, то вмѣсто новаго пальто закажите себѣ гробъ. Это единственная одежда, которая не стѣсняетъ.

То, что я вамъ сейчасъ сказать, вы сочтете философической идеей или парадоксомъ; для меня, конечно, это совершенно безразлично. Но я по крайней мѣрѣ прошу васъ принять это какъ предисловіе, ибо я не смогу написать ни вообще лучшаго, ни болѣе подходящаго къ той грустной и горестной исторіи, которую сейчасъ буду имѣть честь рассказать вамъ.

Вы мнѣ разрѣшите возвести мою исторію до второго поколѣнія, какъ исторію принца или героя, надъ которымъ произносится надгробное слово. Можетъ быть, вы отъ этого ничего не потеряете. Нравы тѣхъ временъ стоили нашихъ нравовъ: народъ носилъ оружіе; но онъ дѣлалъ изъ него нѣчто въ родѣ кастаньетъ.

Ибо, замѣтите, веселость всегда прицѣпляется къ рабству. Это—благо, которое Богъ, великій творецъ награды, создалъ специально для тѣхъ, кто зависитъ отъ своего господина или придавленъ жестокой и грубой рукой нужды. Это благо Онъ создалъ, чтобы ихъ утѣшить за ихъ нищету, какъ создалъ Онъ нѣкоторыя травы, чтобы онѣ цвѣли среди мостовой, попираемой ногами, какъ создалъ Онъ нѣкоторыхъ птицъ, чтобы онѣ пѣли, сидя на старыхъ башняхъ, какъ создалъ прекрасную зелень плюща, чтобы она улыбалась среди безобразныхъ лачугъ.

Веселость, какъ ласточка, проносится надъ высокими сверкающими крышами. Она останавливается во дворахъ коллежей, у воротъ казармъ, на заплесневѣлыхъ каменныхъ плитахъ тюремъ. Какъ красивая бабочка, садится она на перо школьника, который каракулями выводитъ урокъ, заданный въ наказаніе. Она въ погребкѣ чокается со старыми гренадерами; но никогда—если только ей позволяютъ—не поетъ она такъ звонко, какъ среди черныхъ стѣнъ, гдѣ заключены арестанты.

Впрочемъ, веселіе бѣдняка есть одинъ изъ видовъ гордости. Я былъ изъ бѣдняковъ бѣднякъ; и вотъ, я находилъ удовольствіе въ томъ, что доворилъ судъ-

бѣ: «Я не свалюсь съ ногъ отъ твоей руки; я стану ѣсть свой черствый хлѣбъ такъ же гордо, какъ диктаторъ Фабрицій ѣлъ свою рѣпу; я буду носить свою нищету, какъ цари носить свои короны; бей сколько угодно, бей еще: на твои истязанія я отвѣчу на смѣшками; я буду какъ дерево, что цвѣтеть, когда его подрубаютъ у основанія; какъ колонна, на которой золотой орелъ сверкаетъ въ лучахъ солнца, когда кирка уже подрывается подъ нее!

Дорогіе читатели, довольствуйтесь этими поясненіями,—я не сумѣю дать вамъ болѣе обстоятельныхъ.

Какая разниа между тѣмъ вѣкомъ и нашимъ! Приверженецъ конституціи не смѣется даже тогда, когда это нужно.

Онъ ханжа, скупецъ и глубокій себялюбецъ; изъ за какого бы вопроса ни ударилъ онъ себя по лбу, его лобъ гудитъ, какъ ящикъ, полный толстыхъ монетъ.

Онъ высокомеренъ и распухъ отъ тщеславія; бакалейщикъ зоветъ къ себѣ кондитера, своего сосѣда, своего уважаемаго друга; и кондитеръ проситъ бакалейщика принять увѣреніе въ особенномъ почтеніи, съ которымъ онъ имѣетъ честь быть, и проч., и проч.

Конституціоналистъ помѣшанъ на томъ, чтобы отличаться отъ народа. Отецъ ходитъ въ синей бумажной блузѣ, а сынъ въ плащѣ изъ лучшаго эльбефскаго сукна. Никакое кощунство не въ состояніи утолить безумную жажду конституціоналиста изображать большую особу. Онъ питается хлѣбомъ и водой; зимой онъ обходится безъ дровъ, лѣтомъ безъ пива, чтобы обладать пиджакомъ изъ тонкаго сукна, кашемировымъ жилетомъ и желтыми перчатками. Когда другіе смотрятъ на него, какъ на приличнаго человѣка, онъ самъ на себя смотритъ, какъ на человѣка великаго.

Онъ важенъ и размѣренъ; онъ никогда не кричитъ, не смѣется, не сплевываетъ, не дѣлаетъ рѣзкихъ движеній. Онъ очень хорошо говорить: «Здрав-

стуйте, сударь», «Здравствуйте, сударыня». Все это составляет умѣніе хорошо держать себя. Но что такое умѣніе себя держать?—Обманчивый лакъ, которымъ покрываютъ простую палку, чтобы выдать ее за камышъ. Такъ себя ведутъ съ дамами. Ладно; но какъ бы слѣдовало вести себя передъ лицомъ Бога?

Онъ педантъ; умъ, котораго у него нѣтъ, замѣняетъ у него щепетильностью къ чистотѣ языка,—какъ у хорошей хозяйки недостатокъ мебели возмѣщается порядкомъ и чистотою.

Онъ всегда сидитъ на діэтѣ. Если онъ присутствуетъ на банкетѣ, то онъ нѣмъ и озабоченъ, дѣлаетъ пробку вмѣсто куска хлѣба, и беретъ себѣ сливокъ вмѣсто бѣлаго соуса. Онъ не пьетъ, пока не провозгласятъ тоста. Въ карманѣ у него всегда есть газета, онъ говоритъ исключительно о торговых дѣловорахъ и желѣзнодорожныхъ линіяхъ, а смѣется онъ только въ палатѣ депутатовъ.

Но въ ту эпоху, къ которой я васъ возвращаю, нравы маленькихъ городковъ еще не были подурмянены всякимъ лоскомъ; они были исполнены очаровательной непринужденности и самой восхитительной простоты. Всѣ эти люди, и большіе, и маленькіе, съ закрытыми глазами отдавались теченію жизни, не тревожась о томъ, гдѣ они пристануть.

Буржуа не добивались должностей; они не копили денегъ; они жили себѣ въ пріятномъ изобиліи и тратили свои доходы до послѣдняго луидора. Купцы, рѣдкіе въ тѣ времена, богатѣли медленно, не вкладывая въ это дѣло большихъ заботъ, единственно только силою вещей; рабочіе трудились не для сколачиванья денегъ, а для того, чтобы сводить концы съ концами. За ними не гналась по пятамъ ужасная конкуренція, которая насъ угнетаетъ и непристанно кричитъ намъ: «Впередъ»! Такимъ образомъ они работали въ свое удовольствіе; они кормили своихъ отцовъ, а когда сами дѣлались стариками, ихъ дѣти должны были въ свою очередь кормить ихъ.

Такова была непринужденность этого веселого общества, что весь прокурорскій надзоръ и сами судьи ходили въ кабачокъ и тамъ открыто устраивали попойки; боясь, что ихъ тамъ не узнаютъ, они вѣшали свои шапки на вывѣску. Всѣ эти люди, и большіе и маленькіе, казалось, только и дѣлали, что доставляли себѣ удовольствія; они заботились лишь о томъ, чтобы осуществить забавную выдумку или придумать любопытную исторію. Тѣ, у кого былъ тогда умъ, вмѣсто того, чтобы тратить его на интриги, тратили его на шутки.

Праздношатающіеся,—а ихъ было много,—собирались на городской площади; базарные дни были для нихъ днями потѣхи. Крестьяне, привозившіе въ городъ съѣстные припасы, были ихъ мучениками; они имъ причиняли жестокости самыя уморительныя и самыя остроумныя; всѣ сосѣди сбѣгались, чтобы поглазѣть на зрѣлище. Теперешняя исправительная полиція отнеслась бы ко всему этому въ тонѣ обвинительнаго акта; но тогдашніе жрецы правосудія, какъ и прочіе люди, забавлялись этими смѣхотворными сценами и весьма часто принимали въ нихъ дѣятельное участіе.

Дѣдушка мой былъ судебный приставъ; моя бабушка была маленькой женщиной, которой ставилось въ упрекъ, что, ходя въ церковь, она не могла дотянуться до чаши со святой водой. Въ моей памяти она осталась шестидесятилѣтней дѣвочкой. Послѣ шести лѣтъ замужества было у нея пять человекъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ; все это питалось жалкими доходами моего дѣдушки—и чувствовало себя превосходно. Обѣдали всемеромъ тремя селедками, но хлѣба и вина было сколько угодно, потому что у дѣдушки былъ виноградникъ, служившій неизсякаемымъ источникомъ бѣлаго вина. Всѣ дѣти, сообразно ихъ возрасту и силамъ, употреблялись моею бабушкою для дѣла. Старшаго,—это былъ мой отецъ,—звали Гаспаромъ; онъ мылъ посуду и ходилъ въ

мясную лавку; во всемъ городѣ не было пуделя, болѣе обученнаго, чѣмъ онъ; второй ребенокъ подматалъ комнату; третій таскалъ на рукахъ четвертаго, а пятый копошился у себя въ люлькѣ. Бабушка моя въ это время находилась въ церкви или бесѣдовала въ гостяхъ у сосѣдки. Впрочемъ, все шло хорошо, и все кое-какъ жили изъ году въ годъ. Мальчики были сильные, дѣвочки недурны собой, а отецъ съ матерью были счастливы.

Дядя мой Веньяминъ жилъ у своей сестры; ростомъ онъ былъ великанъ, носилъ большую шпагу, камзолъ изъ красной шерстяной матеріи, штаны такого же цвѣта и изъ того же матеріала, свѣтло-сырѣе чулки и туфли съ серебряными пряжками; по камзолу его моталась черная коса, почти такая же длинная, какъ и его шпага; непрестанно раскачиваясь во все стороны, она посыпала камзолъ пудрою, точно известкой, такъ что одежда моего дяди своими розовыми и бѣлыми пятнами похожа была на только что отвалившійся кирпичъ. Мой дядя былъ лѣкарь: вотъ почему онъ носилъ шпагу. Не знаю, сильно ли вѣровали въ него больные, но онъ, Веньяминъ, весьма мало вѣровалъ въ медицину; онъ часто говорилъ, что врачъ сдѣлалъ довольно, если не уморитъ своего больного. Получивъ монету въ тридцать су, дядя мой Веньяминъ покупалъ жирнаго карпа и отдавалъ его сестрѣ своей, чтобы та приготовила купанье, которымъ угощалась вся семья. Дядя мой Веньяминъ, по словамъ всехъ, знавшихъ его, былъ самый веселый, самый забавный, самый остроумный человекъ во всей округѣ; кромѣ того, онъ былъ и наиболѣе... какъ бы мнѣ выразиться, чтобы не оскорбить память двоюроднаго моего дяди?... онъ былъ и наименѣе трезвый человекъ въ городѣ, если бы только городской барабанщикъ Цицеронъ не раздѣлялъ въ этомъ отношеніи его славы.

Однакожь, дядя мой Веньяминъ не былъ тѣмъ, что вы грубо назвали бы пьяницей,—этого вы не

думайте. Онъ былъ эпикурецъ, доводившій свою философію до опьяненія, вотъ и все. Желудокъ его былъ исполненъ величія и благородства. Онъ любилъ вино не какъ таковое, но ради тѣхъ нѣсколькихъ часовъ возбужденія, которые оно вызываетъ; возбужденіе это создаетъ въ умномъ человѣкѣ такой прямодушный, такой обостренный, такой своеобразный бредъ, что хотѣлось бы разсуждать такимъ образомъ всегда. Если бы онъ могъ опьяняться, слушая мессу, онъ слушалъ бы ее каждый день. У моего дяди Веньямина были твердыя убѣжденія; онъ утверждалъ, что человѣкъ еще спитъ, пока онъ натошакъ; что пьянство было бы однимъ изъ величайшихъ благодѣяній Создателя, если бы отъ него не болѣла голова, и что единственная вещь, давшая человѣку превосходство надъ животнымъ, это способность напиваться.

— Разумъ, говорилъ дядя, — ничто; это — способность ощущать бѣдствія, способность памяти. Возможность отказываться отъ разума есть уже нѣчто. Вы говорите, что человѣкъ, который топитъ свой разумъ въ винѣ, становится животнымъ: держаться такого мнѣнія заставляетъ васъ кастовая гордость. Или вы думаете, что положеніе животного хуже, чѣмъ ваше? Мучась отъ голода, сами вы предпочли бы быть быкомъ, который пасется въ травѣ по самое брюхо; сидя въ тюрьмѣ, вы бы предпочли быть птицей, свободнымъ крыломъ разсѣвающей синеву небесъ; если васъ станутъ грабить, вы предпочтете быть жалкой улиткой, у которой никто не пытается отнять ее раковину.

Равенствомъ, о которомъ вы мечтаете, животное уже обладаетъ. Въ лѣсахъ нѣтъ ни королей, ни дворянъ, ни буржуазіи. Вопросы общественной жизни, разрѣшенія которыхъ тщетно ищутъ ваши философы, — бѣдныя насѣкомыя, муравьи, пчелы, разрѣшили уже тысячи вѣковъ тому назадъ. У звѣрей нѣтъ лѣкарей; они не бываютъ ни кривыми, ни горбатыми, ни хромоногими, ни колченогими, она не боится ада.

Дядѣ моему Венъямину было двадцать восемь лѣтъ. Онъ уже три года занимался медицинскими обязанностями, но онѣ отнюдь не принесли ему состоянія; суконщику онъ былъ долженъ за три красныхъ камзола, цирюльнику за три года ухаживанія за прической, а въ каждой изъ лучшихъ гостиницъ города у него было по хорошенькому счету, съ которыхъ онъ могъ скостить только плату за нѣсколько склянокъ слабительнаго.

Бабушка моя была тремя годами старше Венъямина; когда-то она его нянчила, таскала на рукахъ и считала себя его наставницей. Она ему покупала галстухи и носовые платки, чинила рубашки и давала благіе совѣты, которые онъ, надо ему отдать справедливость, выслушивалъ очень внимательно, но изъ которыхъ не дѣлалъ ни малѣйшаго употребленія.

Аккуратно каждый вечеръ, послѣ ужина, она настаивала на томъ, чтобы онъ женился.

— Фи!—говорилъ Венъяминъ:—чтобы у меня было шестеро дѣтей, какъ у Машкура, и чтобы мнѣ обѣдать селедочными плавниками!

Машкуръ была фамилія моего дѣда.

— Но, несчастный, у тебя будетъ по крайней мѣрѣ хлѣбъ.

— Да, хлѣбъ, который нынче переквасится, завтра недоквасится, а послѣ-завтра никуда не будетъ годиться! Хлѣбъ! что такое хлѣбъ? Это хорошо для того, чтобы не умереть, но этого не достаточно, чтобы жить. Честное слово, я зайду очень далеко, если у меня будетъ жена, которая найдетъ, что я кладу въ стаканъ слишкомъ много сахара, а на косу слишкомъ много пудры; жена, которая отправится искать меня въ кабачокъ, которая станетъ обшаривать мои карманы, когда я лягу спать, и будетъ покупать себѣ по три тальмы, пока я ношу одинъ камзолъ.

— А кредиторы твои, Венъяминъ? Что ты станешь дѣлать, чтобы съ ними расплатиться?

— Во-первыхъ, имѣть кредитъ—то же, что быть

богатымъ, а если кредиторы сдѣланы изъ хорошаго кредиторскаго тѣста, то они терпѣливы, то-есть ихъ какъ-будто и нѣтъ вовсе. Во-вторыхъ, что мнѣ нужно, чтобы поправить свои дѣла? Мнѣ нужна хорошая эпидемія. Богъ добръ, дорогая сестрица,—Онъ не оставитъ въ трудную минуту того, кто чинить лучшее изъ Его созданій.

— Да, говорилъ мой дѣдушка:—и кто дѣлаетъ эти лучшіе созданія до такой степени негодными для употребленія, что ихъ приходится зарывать въ землю.

— Такъ что же?—отвѣтилъ дядя:—въ томъ-то и польза врачей: безъ нихъ земля была бы слишкомъ населена. Къ чему бы тогда Богу давать Себѣ трудъ насылать на насъ болѣзни,—если бы были люди, способные ихъ излѣчивать?

— Въ такомъ случаѣ, ты негодяй: ты воруюшь деньги у тѣхъ, кто зоветъ тебя на помощь.

— Нѣтъ, я у нихъ не ворую денегъ, потому что я ихъ ободряю, потому что я ихъ обнадеживаю и потому что всегда нахожу способъ раземѣшить ихъ. Это дорогого стоитъ.

Бабушка, видя, что предметъ разговора измѣнился, предпочитала идти спать.